

НАЧАЛО

Пролог

— Они в душевой, — буркнул проходивший мимо зек и слегка взмахнул рукой, отчего, когда я принимал сидячее положение на нарах, мы как бы соприкоснулись руками, и из рукава моей зековской робы исчез искусно сделанный нож из плексигласа. Сунув руку под матрас, я достал заточку и, встав, направился к душевой.

Сегодня наступил тот день, когда мое испытание закончится, тот самый день, которого я ждал вот уже четыре месяца, находясь на зоне, тот день, когда я освобожусь из заключения, тот самый день, когда я умру.

Думаю, можно объяснить, что вообще происходит, пока я иду в сторону душевой и такие же заключенные, как я, расступаются передо мной. Я иду убивать, убивать черных, что пытаются своей кодлой навести в нашем бараке свои законы. Шел я не сам по себе, это был приказ смотрящего. Последний приказ.

Что я могу о себе рассказать? Хм, даже не знаю. Может, сначала? Детдомовским я был, там появился трехлетним карапузом, оттуда уже вышел вполне здоровым парнем. Армия, проходил службу в ракетных войсках связистом. Вернулся из армии и буквально через неделю повстречал знакомого парня из нашего детдома, Виктора, только он был старше меня на шесть лет. Он уже был братком, бригадиром в одной группировке Москвы в районах новостроек. Работы не было, да и не искал я ее, как-то не мое это было, поэтому я легко дал согласие вступить в бригаду. Шло время, я заматерел и занял место правой руки Виктора, который за прошедшие десять лет возглавил группировку. Правда, к тому времени он был депутатом городского совета Москвы, уважаемым и обеспеченным человеком, разъезжающим на «Мерседесе» в сопровождении джипа с охраной. У него было несколько охранных фирм да и другой легальный бизнес. Еще во время начала нашей бандитской деятельности он понял, что власть меня не прельщает, и на его место я не стремлюсь, поэтому доверял мне во многом. Я был его «темной» рукой. Если у Виктора возникали какие-то проблемы, он обращался ко мне, и я их решал. Сперва я был просто киллером на прикорме у банды, потом уже вышел на верхнюю ступень этой профессии, став чистильщиком.

Тоже непростая работа. В отличие от киллера, чистильщик не только убирает клиента, но и уничтожает улики, а также делает так, чтобы убийство выглядело несчастным случаем или самоубийством. Я же говорю, высшая ступень в этой непростой работе. А я был неплох, очень неплох. Последнее время я сам не убивал, для этого у меня были свои люди, только занимался чисткой. Бывало, в прямом смысле этого слова. В одной квартире пришлось даже обоим новым клеить, чтобы убрать следы крови на стене, одна из боевых групп грязно поработала с клиентом.

Свободного времени у меня было много, и все это время я посвящал своему совершенствованию, учась у лучших спецов бывшего Союза убивать себе подобных. Надо сказать, я в этом неплохо преуспел. Но это все суета. Сдала меня два года назад моя жена, с которой я жил вот уже шесть лет и которая держала мой личный общак, если его можно так назвать.

Это я уже потом узнал, что она связалась с ментом, и они меня кинули не только на деньги, но и на свободу. После года отсидки, когда меня навещал адвокат, сообщавший, что просьба об апелляции не прошла, одновременно, чтобы надзиратели не заметили, показал две фотографии. На них были изображены отрезанные головы моей бывшей женщины и ее нового хахала. Витек, как и обещал, нашел их и наказал, деньги, что забрали у них, по моей просьбе были перечислены нашему детскому дому. Но к тому времени мне это было как-то безразлично, хотя я в душе и порадовался свершившемуся возмездию. Я умирал. Адвокат, Витек и смотрящий зоны старый вор Граф знали это. К смотрящему я сам подошел, через две недели после того, как узнал от тюремного врача, что мне осталось не больше полугода. Злокачественная опухоль в мозгу. А я еще удивлялся, чего это у меня голова начала болеть в последнее время. Ссмотрящему я сказал, что не хочу умирать от болей и корчиться на больничной койке, хочу уйти как настоящий воин. Если у него найдется для меня работа, из которой у меня не будет шансов выйти живым, я только буду рад. Сдохнуть просто так было не по мне, нет уж, я точно прихвачу с собой не одного, так двух. Так что с той поры прошло четыре месяца, мне становилось хуже, от госпитализации я отказался наотрез, но тренировки не забросил и ждал, ждал своего часа, который наступил сегодня.

Когда я подходил к дверям душевой, от стены отделился мокрый парень, вытиравшийся полотенцем, и я услышал шепот:

— Там только они, всех незаметно вывел.

Парень был не из нашей бригады. Да и вообще на зоне кроме меня из наших никого не было. Московских знакомых братков, с которыми я не раз пересекался, хватало, а из своих никого. Адвокаты у Виктора отличные. Это только со мной не повезло, прокурор двоих смог доказать... из четырнадцати. Именно поэтому пятнадцать лет, а не пожизненное.

Открыв дверь, я прошел в санблок и по влажному бетонному полу направился к следующей двери, откуда слышались гортанные выкрики, смех и шум льющейся воды. Скользя за дверь, я мгновенно окинул взглядом

большое открытое помещение, в котором находилось девятнадцать горцев, и без слов и чего-то подобного — я сюда убивать пришел — нанес одновременный удар обоими клинками. Заточка вошла в горло черного, что стоял справа, лезвие из плексигласа перерубило артерию на шее того, что поворачивался ко мне слева. Я привычно скользнул в транс, в котором любил работать, у меня в этот момент отключались все эмоции. Именно поэтому я и получил прозвище «Мороз». Не «дед Мороз», или там «мороз от меня по коже». Укороченное от отморози, или отморозка. В такой момент эмоций у меня нет, я и своих могу порубить, именно поэтому тут никого, кроме черных, не было, об этой моей особенности знали, не многие, но знали, смотрящий точно.

Как только первые два тела начали оседать, еще не понимая, что умерли, хватаясь за раны, я оттолкнулся и по мокрому мыльному полу скользнул дальше, работая ножом и заточкой. Оружие было разным — в этом-то и была проблема. Стеклом я мог только резать, так как если колоть, был шанс сломать нож, а заточкой только колоть.

Следующим стал замерший бугай с полным воды тазиком, который он, видимо, собирался опрокинуть на себя, поэтому, когда я остановился около него, то со скоростью швейной машинки нанес десяток ударов заточкой в печень. Это был идейный руководитель горцев и их лидер, именно поэтому я не работал по остальным, пока добирался до него, всего лишь открыл бедренную артерию у одного и убрал его из игры. Тут я почему-то вылетел из транса, видимо, пульсирующая боль в голове вывела меня из него. Не сдерживая своих эмоций, я заорал — это был крик хищника, я буквально выплеснул этим криком свои эмоции. Стоявший неподалеку горбоносый парнишка, смотревший на меня с ужасом в глазах, за несколько секунд поседел, но мне это было безразлично, я резал, колол и снова резал.

Они не сразу отреагировали, но когда смогли это сделать, шестеро уже лежали на бетонном полу и к стокам начала течь покрасневшая вода, а я жестко работал по остальным. Трое сразу выскочили за дверь, а вот остальные бросились кто ко мне, их было большинство, двое подскочили к своему вожаку, пытаясь его вынести и доставить к врачу, но я не дал им это сделать, продолжая работать. Осел с порезами первый, второй упал с дыркой от заточки в глазу, выпустив ноги вожака, но я начал уставать, и в голове пульсировала и нарастала боль.

Первым я лишился ножа, войдя под ребра очередному абреку, он обломился у рукоятки, слишком сильный был рывок, потом у меня выбили из ослабшей руки заточку, и на руке повис один из черных, но я не сдавался. Мне крутили руки, наносили мощные удары руками по корпусу и голове, но я все еще был в сознании и смог в полубреду нанести последний удар. Вцепился в горло зубами подставившемуся черному, рывком дернул головой, чтобы вырвать гортань. После этого меня схватили за голову, и последним, что я слышал, был хруст моих шейных позвонков. Только одно меня порадовало: одиннадцать трупов были моими, с остальными Граф справится, да

и утихомируются они теперь. Это был намек, намек всем черным в лагере во всех бараках. Думаю, они поймут.

Как-то почти сразу, когда сознание погасло — у меня до сих пор эхом отзывался хруст позвонков, — я снова открыл глаза и удивленно обернулся. Что удивляло, так это ясность в голове и никаких болей, вообще чистое сознание. Давненько у меня такого не было, года три-четыре, не меньше.

Я стоял на коленях или, похоже, вообще сидел на заднице, судя по тому, что мои глаза были на уровне столешницы грубо сколоченного стола, за которым сидели пятеро парнишек в странных одеяниях. Тут меня повело вправо, и из рук выпал поднос, который, оказывается — я? — держал в своих руках, отчего на обувь сидевшего с краю на лавке парня упал кувшин и пять пустых глиняных кружек, обрызгав сапоги и часть штанин. Да и я завалился на бок. Что за черт? Что все это значит?

Упал я на спину, продолжая недоумевать, что происходит, когда заметил, как этот парень с разъяренным лицом вскочил на ноги и нанес удар мне по голове, после чего начал месить ногами под хохот дружков. Тут раздался чей-то предостерегающий возглас, и я залитыми кровью глазами увидел нечто странное. В руках этого мелкого отморозка сверкнуло нечто похожее на хлыст, только фиолетового цвета, и испускающее мелкие искры по всей своей двухметровой длине, как шаровая молния. Потом был замах, отчего кончик этого странного кнута задел угол стола, и тот — вот странно — срезанный как будто лазером, начал падать на грязный пол, и со щелчком эта фиолетовая хрень опустилась на меня. Единственное, что я успел, да и то неосознанно, перекатиться на живот, потом была чудовищная боль, от которой я потерял сознание. А я даже осознать не смог, что вообще происходит.

* * *

*Территория Вольных Баронств. Городок Лешье, баронство Лешье.
Трактир «Рыжая лиса»*

Жестин де Курье, вольный маг-погодник, уже третий день находился в городе. Он со своими учениками прибыл по заявке одного из дворян, у которого из-за засухи погибал урожай на полях, и в данный момент отдыхал после выполненной работы. В чем дело, выяснить удалось не сразу, но де Курье собственноручно сделанным поисковиком смог обнаружить в поле артефакт Древних, который и насылал засуху. Тот сразу сообразил, в чем дело, и, собрав людей, направился к своему соседу — были у них какие-то претензии друг к другу, а де Курье, получив плату, направился в город. К сожалению, артефакт жадный шевалье отдавать отказался, но тут он был в своем праве — находка была обнаружена на его поле, поэтому маг печально вздыхал, попивая неплохое вино и с некоторым безразличием разглядывая обеденный зал трактира, изредка мысленно возвращаясь к артефакту. А ведь его можно было продать за два, а то и три золотых! Артефакты Древних ой как дорого стоили!

Народу в зале хватало: были местные жители, две группы поисковиков, пятеро учеников-практикантов из Академии Магии Империи Сауд, которые, видимо, только что вернулись с Мертвых Земель с одним из отрядов и отмечали свое благополучное возвращение. Кроме них, одаренных в зале больше не было.

Обедая со своими учениками в трактире, где они снимали одну большую комнату на всех, де Курье случайно заметил, как восьмилетний мальчишка, что работал у трактирщика половым, разнося явно тяжелые для него подносы, вдруг зашатался и осел на пол под удивленным взглядом мага. Он смог рассмотреть истинным зрением, как на миг голова мальчишка окуталась темным облаком, после чего все вернулось в норму. Но после этого явления, буквально через пару секунд он осел набок, обрызгав штанину и обувь одного из учеников-практикантов Академии Магии, что сидели за столом.

Империя Сауд славилась своей магической Академией, в которой мог учиться любой одаренный, и надо сказать, ее стены практически всегда покидали маги, только изредка подмастерья, да и то из тех, что ленивые. Из-за того, что на десять тысяч человек было всего по одному одаренному, да и то очень редко, когда его способности к магии были сильны, на тех детей, у которых обнаруживался сильный дар, начинали настоящую охоту. Всем государствам нужны были сильные боевые маги. А таких охочих было шесть, что имели свои магические школы, но все-таки Саудская Академия славилась везде. Баронства часто отправляли заявки в Академию, и им для практики присылали учеников и подмастерьев, чтобы они набирались опыта, особенно в Мертвой Пустоши.

Похоже, эти ученики были из такой группы, выполняя заявку мэрии города. Заявку в Академию могли подавать только официальные власти, частные лица этого права не имели: если у них не было своего мага, они обращались к вольным вроде де Курье.

Это все мелькнуло в мыслях де Курье в тот миг, когда один из старших учеников Академии с руной боевого мага на рукаве форменного плаща, получив порцию вина на свои сапоги, вскочил на ноги и, разъяренно обматерив мальчишку, который лежал и недоуменно осматривался, начал его пинать. Жестко, очень жестко. После этого в руке ученика взвилась плеть Наргулы, серьезного оружия против недоспешенного солдата, и с хрустом впечаталась в спину мальчишки, перерубив его практически пополам. Отчетливо было видно кости перерезанного позвоночника.

Второго удара ученик нанести не успел: плеть столкнулась с посохом де Курье и была перерублена пополам.

— Ты что творишь?! — разъяренно закричал маг и использовал «среднее исцеление», что было заранее заготовлено в посохе. К сожалению, Дара самого де Курье не хватало, чтобы создавать такое сложное и тонкое заклинание, он специализировался больше на малом исцелении, а три средних ему сделал знакомый маг, после чего де Курье перенес заклинания в свернутом виде в посох. Два он использовал ранее, это было последнее.

К сожалению, для мальчика этого оказалось мало, тут надо было или чудотворное исцеление, или высшее. Однако и одно среднее неплохо могло. Рана затянулась, и слышался шелест срачивания костей, но де Курье, имевший кроме звания мага-погодника еще звание подмастерья-лекаря, прекрасно знал, что тут нужно еще два средних или около сотни малых исцелений, чтобы до конца вылечить мальчишку.

Ученик, обнаружив около себя мага, хоть и погодника, скривился и сел на место, что-то недовольно бурча, другие тоже затихли, хотя до этого подбадривали товарища добить косорукого щенка. Во всех государствах маги и дворяне были выше законов, у них были свои, упрощенные. Он не получит ничего серьезного за это, можно сказать, преступление — всего лишь штраф, оформленный как за порчу имущества, да об этом напишут в его листе практики, что отправят в Академию.

Подошедший трактирщик, ни слова не говоря, пнул в бок мальчишку, что все еще лежал без сознания — было видно, что он не имел тут никаких прав.

— Отродье Бездны, — успел пробурчать трактирщик, как был сбит «воздушным кулаком» из арсенала погодников. Над ним встал разъяренный маг, спросив:

— Сколько стоит этот мальчишка?

— Нисколько, — пробурчал тот, почесывая волосатую грудь под рубашкой и пытаясь встать. — Вольный он, сын начальника охраны купеческого каравана, что год назад побили на дороге. Он один жив и остался, видать, тати пощадили мальчика. У меня подрабатывает за еду.

— Я забираю его. Ельг! Езор! Берите его на руки и отнесите к нам в комнату, — скомандовал маг своим ученикам, которые встали у тела ребенка.

Почему он это делал, маг и сам не понимал, похоже, это было любопытство исследователя, он хотел знать, что было с мальчишкой перед тем, как тот потерял равновесие. То облако было использовано для перемещения, он понял. Но что именно вселилось в ребенка? Был ли это случайный выброс или все же чья-то направленная работа?

Два двенадцатилетних мальчишки ловко подняли тело и понесли к лестнице на второй этаж, а третий ученик, вернее, ученица лет десяти на вид, их сопровождала сбоку, держа свои руки над закрывшейся раной. На ее лбу выступили капли пота. Девочка была интуитом и могла чувствовать раны. Такие специалисты ценились, и де Курье, поморщившись, быстро осмотрелся, не заметил ли кто действий девочки. Но, похоже, никто на это просто не обратил внимания.

Обернувшись к трактирщику, маг мрачно спросил:

— Как его зовут?

— Миром зовут.

В это время двери в трактир распахнулись и вошли стражники во главе с дежурным магом, отчего все пятеро учеников Академии дружно скривились. Де Курье подтвердил стражникам свои показания относительно бес-

смысленного и бесчеловечного применения магии. Сам он был из черни и спесивости дворян не имел, поэтому для него жестокая расправа над ребенком была за гранью понимания. Хотя другие маги и не такое творили, но все же старались это делать не при людях. В этот же раз попались не просто отможенные одаренные — они к тому же еще были и дворянами.

Через двадцать минут учеников оштрафовали на круглую сумму и отправили к телепорту, посоветовав как можно быстрее покинуть баронство. В этом городе не любили детоубийц, буквально до гибели самих убийц... от несчастного случая, например. Баронство находилось рядом с Мертвыми Землями, поэтому имело немало крепких воинов в ранге **мечника**, а то и **мастера меча**, даже один **грандмастер меча** был. Для городка, где проживало всего пятнадцать тысяч, это беспредельно много. А детоубийц тут действительно не любили.

Обычно маги друг друга не сдавали, но не в этом случае. Де Курье был разъярен, поэтому с легкостью подтвердил все свои свидетельские показания, причем предоставив копию записи с магического кристалла, так как его ученица в тот момент по счастливой случайности снимала обстановку в обеденном зале и все зафиксировала. Теперь мальчикам, оборзевшим от своих возможностей, не поздоровится. В Академию пойдет заявка на возмещение ущерба по шести пунктам согласно законам города, и по подсчетам все это влетало в копейчку. А маги деньги тратить ой как не любили, посему этому подонку-ученику придется хорошенько отработать все потраченные на погашение штрафов деньги. В этом случае деньги от родителей не принимали — он своим трудом должен отработать.

Поднявшись наверх и пройдя в свою комнату, де Курье подошел к кровати и посмотрел на голого мальчишку, лежавшего на животе. Его окровавленная одежда с разрезом на спине лежала рядом кучкой. Девочка как раз заканчивала отмывать спину мальчишки от крови.

— Что скажешь, Люси? — спросил маг свою ученицу, которая со своим Даром в будущем вполне могла дорасти до мага-целителя. А они очень ценились, не меньше, чем сильные боевые маги, доросшие до магистров.

— Он умрет, если не оказать помощь, «среднего исцеления» не хватило. Кровь внутри растекается.

— Да знаю, — хмыкнул маг и испустил из своего посоха, своей гордости, сразу десять малых исцелений, отчего мальчик застонал и открыл глаза. После этого он сам перевернулся на спину и обвел взглядом стоявших рядом с ним людей, что-то пробормотав на непонятном языке, замер на несколько секунд, поднял руку и стал ее с изумлением разглядывать.

Де Курье нахмурился и спросил у мальчишки, пока тот был в сознании:

— Ты меня понимаешь?.. Хм, вижу, что нет. Я — маг Жестин де Курье, как тебя зовут? — при своих последних словах он показывал то на себя, то на мальчику.

Тот подумал и ответил:

— Мороз... — и, помотав головой, зачем-то добавил: — Юра.

Что больше всего не нравилось де Курье, так это медленно гаснувшие перемешанные эмоции в глазах мальчишки. Там были просто чудовищная злоба, ненависть, азарт и принятие смерти. Жуткая смесь, но она тихо уходила, растворяясь в том удивлении, с которым на них взирал мальчишка.

*Территория Вольных Баронств. Городок Лешье, баронство Лешье.
Трактир «Рыжая лиса». Комната мага де Курье*

«Охренеть, я еще жив», — была моя первая мысль, когда я открыл глаза.

К моему удивлению бред продолжался, значит, мне не показалось, что я очнулся в каком-то заполненном людьми помещении. Более того, похоже, надо мной склонились несколько фигур, но сколько точно и кто, я не видел, лежал на животе. Мысленно отдав своему телу приказ перевернуться на спину, я неожиданно как-то непривычно легко это сделал. Да и вообще все странно было.

Надо мной склонилось четверо. Один взрослый в странной одежде, с шаркающей бородой и какой-то палкой в руке. Трое других были детьми. Двое пацанов лет двенадцати на вид, одетых так же в странную одежду, и девочка лет десяти на вид, смотревшая на меня с сочувствием. У остальных этого не было, интерес был, сочувствия не было.

— Вы-то кто такие? — пробормотав, спросил я и замер, пытаясь осознать и проанализировать звуки своего голоса. Они принадлежали мальчишке?!

Подняв руку, я стал ошарашенно ее разглядывать — это была слегка пухлая рука ребенка. Тут я заметил, что бородатый что-то спрашивает, не давая мне нормально осмыслить ситуацию, вопросительные интонации в его голосе были отчетливо слышны.

Посмотрев на него, я заметил, что он показывает на себя, что-то говорит, после чего, указав на меня, вопросительно смотрит. Тут и идиот поймет, чего он хочет. Я, конечно, еще не совсем разобрался в ситуации, хотя то, что попал в чужое тело, сообразил, фантастика про попаданцев в тюремной библиотеке была — читал, тему знаю, поэтому ответил:

— Мороз, — и поморщившись, пора отвыкать от зоны, добавил: — Юра.

Нахмурившись, бородач задал еще несколько вопросов, но сообразив, что я все еще его не понимаю, присел на койку и коснулся кончиком длинной палки, что держал в руках, моего лба, не спросив моего разрешения. После этого немедленно последовало наказание, между навершием этой палки и моим лбом проскользнула искра электрического разряда, и я получил как будто удар ногой в голову. Почти сразу в моем, можно сказать, чистом мозгу кроме старых воспоминаний из прошлой жизни замелькали новые картинки. Я еще не совсем осознал произошедшее, когда мужик привлек мое внимание.

— Теперь ты меня понимаешь? — спросил бородач.

— Охренеть, — простонал я. — Суну тебя в трансформатор и посмотрю, как ты там трястись будешь, ушлепок бородатый.

— Слово «трансформатор» мне незнакомо, видимо, оно из твоего прошлого мира? — снова задал вопрос бородач.

Напрягшись, я стал его пристально разглядывать, мазнув взглядом по остальным детишкам.

— Не волнуйся, — усмехнулся тот, заметив, что я его пристально разглядываю. — Никому ты тут не интересен. Если думаешь, что ты один такой, то разочарую: наши магистры-демонологи постоянно призывают души усопших и помещают их в новые сосуды. Тут, как я понял, получился случайный выброс, но тебе повезло с тем, что заполучил тело. Из какого ты мира и кто ты вообще?

— С Земли, — медленно протянул я, осмысливая слова бородача. Все бы ничего, но вот его слова про демоологов...

— Не слышал о таком мире. Как сильно у вас развита магия?

Этот вопрос расставил все по своим местам, и я понял, что за несуразности зацепили меня в прошлых его словах.

— Нет у нас магии, машинная цивилизация.

— А-а-а, — с разочарованием протянул бородач. — Бывает и такое... Я тебя подлечил, но сам процесс лечения еще не закончился, поэтому побудешь с нами недели две, а потом сам определишься, что будешь дальше делать. Требовать с тебя неустойку за лечение не буду, хотя потратился я изрядно, расскажешь за это о своем мире, мне интересно, как вы там живете.

— Хорошо, спасибо, — кивнул я и, чуть помедлив, прокручивая последние воспоминания, как я падал с подносом в руках, спросил: — Меня избили?

— Ты облил вином одного старшего ученика-практиканта из Саудской Академии Магии, и тот решил тебя наказать, хотя очень жестоко, на мой взгляд. Он бил тебя сапогами и потом ударил плетью Наргулы, которая перебила твое тело почти пополам.

— А, это та фиолетовая хрень с искрами? — пробормотал я, припоминая, и не сразу заметил, что все четверо замерли, изумленно глядя на меня. Не просто глядели, они буквально пялились на меня.

— Ты видишь магию истинным зрением? — осторожно спросил бородач.

— Чего?

Вместо этого бородач сделал пассы руками, разводя их в стороны, и между ними засветилась золотая сетка. Хотя, на мой придирчивый взгляд недочувшегося инженера-конструктора, грубовато сделанная.

— Видишь что-нибудь? — спросил он.

— Золотистая сетка... О, пропала.

— Хм, — задумался бородач. Вот у него между рук снова замелькали сетки, только разные, и он стал бросать их в мою сторону. Увернуться я не пытался — пока плохо чувствовал теперь уже свое тело, поэтому заклинания, а я так понял, это были именно они, растворялись в моем теле.

— Да что случилось-то?! — возмутился я.

— Подожди, — отмахнулся бородач и начал плести какое-то заклинание, используя для этого посох. За этим с интересом наблюдал не только я, но